

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭТО ПОЛНЫЙ ИДИОТИЗМ!

— Вы меня разыгрываете?

Глаза юриста слегка прищурены, брови приподняты, все лицо его, молоджавое и ухоженное, выражает брезгливое недоверие. Что ж, его можно понять. В такое действительно поверить непросто. А если уж совсем честно говорить — то поверить трудно.

— К сожалению, я серьезен как никогда. Кажется, в России принято в подобных случаях говорить «полный идиотизм», я не ошибаюсь?

Юрист рассеянно кивнул, обдумывая услышанное, потом спохватился:

— Я бы не стал называть ваш проект идиотизмом... — чуть виновато проговорил он. — Но согласитесь, все это более чем необычно. Я бы даже сказал, странно.

— Согласен, — кивнул я. — Но что поделать, таково доставшееся мне наследие, и финансовое, и биологическое. Мой дальний предок, Джонатан Уайли, был таким человеком, которых принято называть эксцентричными. У него был ужасный характер, он перессорился со всей родней, ни с кем не поддерживал отношений, а общий язык мог находить только с такими же эксцентричны-

ми людьми, как он сам. Видимо, эта его особенность воплотилась и во мне.

— И..? — Брови юриста чуть сдвинулись, обозначая непонимание.

— Среди потомков Уайли я не один такой, — улыбнулся я. — Странные, кажущиеся глупыми и необъяснимыми поступки совершали и другие представители нашей семьи. И это, как мне думается, еще раз подтверждает, что в целом затея Джонатана Уайли и его единственного близкого друга Роберта Купера не так уж абсурдна. Разумеется, я понимаю, что за сто пятьдесят лет жизнь значительно изменилась, мир стал совсем иным, и предвидеть это Уайли и Купер в те годы никак не могли. Жизнь текла медленно, письма шли долго, путешествия, на которые сегодня тратится несколько часов, тянулись месяцами. Тогда, в конце шестидесятых годов позапрошлого столетия, казалось, что и через сто пятьдесят лет все будет устроено так же, а если перемены и произойдут, то незначительные и в основном чисто технического характера. По их представлениям, слово джентльмена останется таким же незыблемым эталоном надежности, а пожелания родителей будут неукоснительно выполняться детьми. Одним словом, моего предка и его друга обуял грех гордыни: они сочли, что в состоянии все учесть и все просчитать наперед.

Юрист некоторое время молчал. Я терпеливо ждал, рассматривая серый пейзаж за окном, и немного сожалел, что конференция по проблемам перевода, на которую меня пригласил Институт русского языка, проходит в такой безрадостный дождливый сезон. Мне нравилось бывать в Москве, я приезжал

6   в Россию много раз, но никогда прежде здесь не было так уныло и некрасиво, как сейчас.

Мы сидели в тихом безлюдном баре отеля, в котором я остановился. По вечерам здесь сиживало не более трех-четырех человек, а днем посетителей не было вообще, я хорошо это помнил по предыдущему приезду два года назад. Отель мне понравился еще тогда, он был небольшим, но неоправданно, просто безумно дорогим, поэтому гостей в нем немного. С точки зрения «здоровой» экономики такой отель — это как раз то, что можно назвать «полным идиотизмом». Но в России экономика не здоровая, а отмывания денег никто еще не отменил. Излишние траты в данном случае меня не смущали, хотя я никогда не был мотом и транжирой, а уровень комфорта казался более чем удовлетворительным. Самое главное — малоллюдно, а значит — тихо. Для меня это очень существенно.

Молчание затягивалось, и мне это не нравилось.

— Если у вас есть сомнения, я готов предоставить все документы, — предложил я.

Мой собеседник вздохнул:

— Хорошо, я верю, что вы меня не разыгрываете. Но у меня остаются вопросы.

— Постараюсь ответить полно. И гарантирую, что отвечу честно.

— Зачем вам это? Насколько я понял, вы не принадлежите к той ветви потомков, на которых лежит... Как бы это сказать... Моральное обязательство. Вы не ученый и не писатель, вы переводчик, и создание монументального труда...

Он снова запнулся, но я отлично понял, что он хотел сказать: «Создание монументального труда вам не по зубам, тем более в вашем преклонном возрасте, когда нормальные люди уже не берутся осваивать новые профессии». Именно эти слова

я уже слышал, только из уст совсем другого человека. И именно они заставили меня всерьез взяться за выполнение условия Уайли — Купера. Впрочем, не только они...

— Мне семьдесят шесть лет, — ответил я, не дожидаясь, пока юрист подберет приемлемые слова для выражения своей мысли. — И я профессиональный переводчик. В моем арсенале четыре языка, с которых я перевожу на английский научную литературу — доклады, статьи, монографии по физике, химии и биологии. И еще пять языков, владение которыми позволяет мне переводить любые тексты, не требующие специфических научных знаний. Этой работой я занимаюсь почти шестьдесят лет, а иностранные языки начал изучать в трехлетнем возрасте. Полагаю, вы вполне можете представить себе уровень и качество работы моего мозга и состояние памяти. Так что если вас смущает мой интеллектуальный потенциал, то могу вас успокоить. А на ваш вопрос: «Зачем?» — отвечу: люблю новизну, люблю учиться, люблю осваивать то, чего раньше не делал. Я ведь предупреждал вас, что унаследовал некоторую долю эксцентричности Уайли.

Он кивнул, видимо, удовлетворенный моим объяснением.

— Тогда я могу считать, что и на второй вопрос вы ответите так же, со ссылкой на особенности характера, — констатировал он задумчиво. — Я собирався спросить, почему вы придумали такой странный и трудоемкий метод сбора материала. Но вы ведь и его наверняка стали бы оправдывать своей эксцентричностью, верно?

— Верно, — рассмеялся я. — Но не думайте, что я не пытался решить вопрос другим спо-

собом, более легким и простым. Я провел много времени в беседах с русскими эмигрантами, но удовлетворительного результата не получил. Тот, кто мыслит как двадцатилетний юноша, не жил в России в семидесятые годы прошлого столетия, а те, кто жил и был в то время молодым, сейчас уже зрелые люди в солидном возрасте, они не в состоянии перешагнуть через собственный жизненный опыт, накопленный за все последующие годы. К тому же я не только эксцентричен, но и одинок и весьма состоятелен, наследников у меня нет, а вкус к жизни и новизне сохранился. Так почему бы не поставить эксперимент, пусть даже трудоемкий и финансово затратный?

— Еще вопрос: почему вы решили приступить к работе сейчас? Вы ведь сказали, что, по условиям Уайли — Купера, материал должен собираться на протяжении ста пятидесяти лет, начиная с тысяча восемьсот семидесятого года, то есть до две тысячи двадцатого года, и только после этого на рассмотрение конкурсной комиссии можно будет представлять результаты. У вас впереди еще три года, даже чуть больше.

— Понимаю ваше недоумение. Сейчас только ноябрь шестнадцатого года, и вам кажется, что я взялся за дело слишком рано. Вы молоды, друг мой, и, как и все люди вашего возраста, строите планы на годы вперед, исходя из того, что сможете их осуществить, если не помешают какие-то уж совсем крайние обстоятельства. Но вероятность подобных обстоятельств вы оцениваете как очень маленькую, я прав? В оценку вероятности вы закладываете экономическую составляющую в первую очередь, но почти никогда не закладываете составляющую естественную, физиологическую. Вам ведь в ваши годы не

приходит в голову думать: а что будет, если я попаду под машину и останусь обездвиженным инвалидом, правда? Когда вам меньше тридцати пяти, вы обычно не принимаете в расчет болезни, несчастные случаи и тем более смерти. Когда вам за семьдесят, вы при составлении любых планов в первую очередь думаете именно об этом. Не помешает ли болезнь сделать то, что я задумал? И буду ли я вообще к этому времени еще жив? Жизнь сделала меня осторожным и предусмотрительным, поэтому я приступил к работе с большим запасом времени. Все доступные на сегодняшний день материалы я тщательно изучил и за последний год сделал довольно приличный анализ. Добавить к нему данные еще за три года — дело нескольких недель, а возможно, и дней. Сегодня я еще полон сил и энтузиазма, но кто знает, каким я стану через три года, если доживу? Возможно, как раз через три года большой труд окажется мне и в самом деле не по силам, а вот доделать совсем небольшую часть я вполне буду в состоянии.

Юрист снова умолк, но на этот раз не для того, чтобы подумать: он делал какие-то записи в раскрытом перед ним блокноте.

— Тогда у меня возник еще ряд вопросов, — проговорил он, отложив ручку в сторону. — Вы поддерживаете отношения с родственниками той ветви, которая непосредственно занималась сбором материалов?

Я не собирался лгать или что-то скрывать. Но хотелось ответить как можно более кратко. Разговор меня утомил, я вообще не люблю подолгу разговаривать.

— Почти не поддерживаю. Если быть точным — я не общался ни с кем из них с девяти

носто второго года, то есть с того момента, как они эмигрировали в США из России. Когда они приехали, состоялось наше знакомство, очень кратко, буквально в течение пары часов. Они мне не понравились, никаких родственных чувств я к ним не испытывал, мило поболтал с ними о каких-то пустяках и распрощался. Прошло двадцать лет, на протяжении которых я не питал к ним ни малейшего интереса, равно как и они ко мне, как только поняли, что я не собираюсь брать на себя функции опекуна, заботящегося о несчастных, сбежавших от коммунистического режима в поисках лучшей доли. Коммунистического режима, правда, к тому времени уже не было, он рухнул, но в США их ждали вполне приличные деньги, которые оставались недоступными, если бы эти люди жили в России. Если сформулировать более точно — мои родственники не знали, в каком направлении пойдет экономическое развитие их страны, какие будут приниматься законы касательно валюты, и не были уверены, что смогут воспользоваться лежащими на американском счете деньгами. Как я успел понять из их рассказов, отъезд из России и жизнь за границей были давней, многолетней мечтой всей их семьи. Их было трое: пожилая женщина, ее дочь лет тридцати пяти примерно и внук-подросток. Три года назад я случайно столкнулся с этим внуком в конторе адвокатов, которые ведут дела нашей семьи, и узнал, что он собирается выполнить условие Уайли — Купера и получить причитающееся вознаграждение. Вот этого я допустить не могу.

— Почему?

— По личным причинам. Если вы настаиваете на их раскрытии, то нам с вами придет-

ся уделить этому вопросу еще какое-то время, но уже не сегодня. Сегодня мне нужно получить ваше принципиальное согласие на сотрудничество и составить план действий. Если вы отказываетесь, то я оплачу время, которое вы потратили на нашу встречу, и буду искать другого юриста.

Он не отказался. То ли сумма предложенного мной вознаграждения выглядела привлекательной, то ли сама затея показалась любопытной, а возможно — и то, и другое одновременно. Я несколько раз озвучил свое главное требование: все должно быть абсолютно законно и прозрачно, чтобы не возникало ни малейших проблем с государственными органами.

— Мы создадим юридическое лицо, в уставных целях которого укажем «проведение краткосрочного эксперимента для изучения поведенческих реакций в условиях отказа от современных носителей информации», — предложил юрист. — И все будет честно и открыто. Не возражаете?

Разумеется, я не возражал. Такая формулировка полностью соответствовала действительности.

— Сколько времени вам нужно на ваш эксперимент?

— Надеюсь уложиться в месяц. Буду рад, если получится быстрее.

— А если за месяц вы не достигнете желаемого результата?

— Значит, я потерплю поражение, — улыбнулся я. — Практика показывает, что мозговой штурм не может быть эффективным, если длится дольше месяца. Люди устают, глаз замыливается.

— Иными словами, вы готовы к тому, что ваши усилия и финансовые затраты могут оказаться бесполезными? — уточнил юрист.

— Готов. Я уже в том возрасте, когда готов к любому повороту событий.

— В какие сроки вы предполагаете провести всю подготовительную работу?

— Было бы неплохо, если бы вы уложились в полгода... Это реально?

Юрист задумался, что-то прикинул, покачал головой.

— Если вы готовы платить, то вполне можно успеть. Над вашим проектом должна работать целая команда: юридическое оформление, выбор объекта, решение массы технических проблем с оборудованием, кастинг и отбор участников, подбор персонала... Если делать это малыми силами и последовательно, времени потребуется много. Если приступить к работе одновременно по всем фронтам, придется задействовать многих людей, и все они должны получать свою зарплату. Не говоря уже о том, что при решении вопросов на административном уровне...

— Да, — продолжил я, — мне известна практика вашей страны. Не могу сказать, что она мне нравится, но я не борец за преобразование мира. Я привык принимать все таким, каким оно является.

Юрист еще раз пробежал глазами свои записи.

— Господин Уайли, ваши пожелания по персоналу...

— С ними что-то не так? — нахмурился я.

— Нет-нет, мне все понятно, кроме одного: вы просите двух переводчиков-синхронистов. Зачем они вам? Вы прекрасно говорите по-русски.

Я рассмеялся:

— Друг мой, я всю жизнь занимался письменными переводами. Мой русский

хорош в достаточной мере, не спорю, но он в значительной степени академичен, у меня нет навыка восприятия на слух современной разговорной речи с ее оборотами и идиомами, принятыми в бытовой среде. Мозговой штурм — это обсуждение, участники будут говорить быстро, одновременно, перебивая друг друга. Моего знания русского языка не хватит на то, чтобы услышать и адекватно воспринять все сказанное, а я ведь не могу позволить себе упустить важную мысль. Я стараюсь предусмотреть все возможные сложности. Хотя и понимаю, что это нереально. Пример моего предка Уайли и его друга Купера свидетельствует об этом весьма наглядно.

Юрист поднялся и потянулся к куртке, небрежно брошенной на соседнее кресло.

— Мне нужно два дня на первоначальную проработку и составление первого варианта плана, — сказал он. — Вас устраивает?

— Вполне.

Он застегнул молнию, поправил шарф и капюшон, аккуратно сложил в портфельчик на длинном ремне свои вещи — блокнот, гаджеты, ручку. Уже сделав шаг в сторону выхода, внезапно обернулся и спросил:

— И все-таки, господин Уайли, почему? Почему все началось именно в тысяча восемьсот семидесятом? Что тогда произошло?

— За год до этого вышла книга Фрэнсиса Гальтона «Наследственный гений».

Юрист пару секунд стоял молча, потом кивнул и ушел. Я был совершенно уверен, что он никогда не слышал ни о Гальтоне, ни об этой книге и вряд ли

что-то понял из моего ответа. Но ответ был честным. Именно так все и произошло.

Мой прапрадед Джонатан Уайли, по мнению его современников, был просто невыносим. Владелец огромного состояния, доставшегося ему в наследство, он ухитрился жениться по любви на дочери богатого торговца алмазами из Голландии, за которой дали приданое, вполне сопоставимое с размерами капиталов самого Уайли. Прапрабабка моя Эмилия страдала сильными и частыми приступами мигрени, Джонатан страдал вместе с ней, возил ее по самым известным докторам и лечебницам, но ни пиявки, ни кровопускание, ни горячие ванны не помогали. Помогали только опиаты. После рождения первого ребенка, моей прабабки Грейс, приступы на какое-то время прекратились, и супруги решили, что средство борьбы с неизлечимым недугом наконец найдено. Они так радовались наступившей в скором времени второй беременности Эмилии! Однако младенец умер, не дожив и до трех месяцев. Третья беременность прервалась задолго до срока родов, после чего приступы мигрени возобновились и стали еще более тяжелыми и длительными. Эмилия, истовая пуританка, считала своим единственным долгом быть хорошей женой и матерью и глубоко переживала, что не может из-за своей болезни выполнять возложенные на нее обязанности. Не смогла родить много детей, не уделяет мужу и дочери достаточно времени и внимания, ибо вынуждена при каждом приступе два-три дня не выходить из своей комнаты, где царил постоянный полумрак. В конце концов несчастная Эмилия впадала в черную меланхолию, от которой единственным спасением стали все те же опиаты. Финал оказался ужасен, хотя и предсказуем: перемены в ее по-

ведении сделались столь заметны окружающим, что Джонатан считал за благо усладить больную жену подальше, ведь нужно было думать о будущем Грейс, а кто захочет взять в свою семью девушку, когда психическое здоровье ее матери вызывает сомнения? Эмилия вернулась в Голландию, к своим родителям, и там довольно скоро умерла. Джонатан подозревал, что смерть жены была добровольной, но тесть и теща всячески этот факт отрицали. Их можно было понять: самоубийство, по религиозному канону, считалось огромным грехом, кладущим несмываемое пятно позора на всю семью.

Итак, к сорока годам мой прапрадед Уайли остался вдовцом с малолетней дочерью на руках. Он очень любил свою жену, и вынужденная разлука с ней далась ему отнюдь не легко, а смерть Эмилии произвела огромные изменения в его душе и рассудке. Оставив десятилетнюю Грейс на попечение гувернанток, Джонатан отправился путешествовать. Вернулся он через пять лет, преобразившийся до неузнаваемости. Оказалось, что все эти годы он переезжал из одной европейской страны в другую в поисках врачей, которые умели бы лечить мигрень. Исцеление от болезни, сломившей дух его любимой жены, превратилось для Уайли в наваждение, в навязчивую идею. Он находил медиков, завязывал знакомство, подробно выспрашивал их мнение о причинах болезни и способах ее облегчения, и если слышал что-то новое — немедленно предлагал деньги для проведения необходимых исследований и экспериментов. Он готов был на все, начиная от спонсирования бедных студентов, если в их голо-

вах возникали интересные теории о мигрени,
16 и заканчивая строительством специальных

клиник для изучения и лечения недуга. Неизвестно, сколько еще лет Джонатан провел бы в странствиях, если бы в Лондоне, где он с огромным интересом ходил на лекции Фрэнсиса Гальтона, его не застало письмо младшей сестры, в котором она напоминала брату о том, что его единственной дочери Грейс исполнилось пятнадцать, и если отец хочет иметь возможность влиять на дальнейшую судьбу девушки, то ему пора бы вернуться, чтобы быть рядом с будущей невестой. Девушка стала необыкновенной красавицей, и, учитывая ее положение единственной наследницы огромного состояния, необходимо твердое и мудрое руководство отца, дабы уберечь девицу от возможных необдуманных шагов.

Из Европы Джонатан Уайли вернулся не один. Вместе с ним по трапу парохода спустился молодой человек, англичанин, по имени Роберт Купер — один из тех студентов, кому оказывалась финансовая помощь. Купер был увлечен проблемами неврологии, и в его голове роились бесчисленные идеи, одна другой оригинальнее. Кроме того, Роберт был не только убежденным атеистом, но и человеком, не понимающим слов «правило» и «обычай», а посему оказался одним из очень немногих, кто воспринимал чуждаковатого американца без критики, удивления или скепсиса. Между миллионером Уайли и талантливым начинающим ученым завязалась настоящая дружба. Уайли предложил Куперу ехать вместе с ним в Америку, где обещал предоставить самые широкие возможности для занятия наукой.

Появившись дома, Джонатан уделил некоторое время дочери, оценил ее расцветшую красоту и уровень подготовки, которой на протяжении пяти лет занимались три гувернантки, после чего

отправился с визитом к сестре, жившей со своим семейством в другом городе.

— Ты правильно поступила, вызвав меня, — констатировал он.

Сестра тут же принялась перечислять знатные семейства, имеющие сыновей подходящего возраста и уже проявившие интерес к Грейс Уайли, но Джонатан перебил ее:

— Моя Грейс предназначена не для этого. Я поговорил с ней и теперь знаю, что ты постоянно пишешь ей письма, в которых обсуждаешь ее будущее замужество. Так вот: если ты позволишь себе еще хоть раз завести с моей дочерью подобный разговор, можешь считать, что у тебя нет старшего брата.

Сестра сперва удивилась, потом недоумевала, потом пыталась возражать, разговор продолжался уже на повышенных тонах и завершился ссорой, столь же бурной, сколь необратимой: отношения оказались разорванными навсегда.

В течение последующих нескольких месяцев жизнь дома Джонатана Уайли кардинально преобразилась. Из трех гувернанток уволили двух: ту, которая отвечала за обучение «правильной жизни в обществе», манерам, этикету, светской беседе и домоводству, и ту, в обязанности которой входили музыка, живопись и танцы. Третья гувернантка, эмигрантка из Швейцарии, обучавшая Грейс основам естественных наук и французскому, была оставлена для преподавания немецкого языка. На рояль недели чехол, мольберт и краски с кистями нашли прибежище в чулане, бальную залу переоборудовали в библиотеку-лабораторию с огромными столами, на которых

громоздились чертежи: для проведения экспериментов и опытов Роберту Куперу требовал-

ся питомник, где он мог бы работать с животными. Уайли увлеченно занимался организацией условий для научной деятельности своего молодого друга, напроочь пренебрегая общепринятыми светскими правилами: не делал визитов по случаю возвращения после длительного отсутствия и не отдавал их, а тех, кто наносил визиты ему самому, не принимал; не принимал и приглашений на приемы, вечера и балы, при этом не утруждаясь написанием вежливых отказов; при случайных встречах со знакомыми даже не пытался делать вид, что интересуется беседой, на вопросы отвечал скупой и равнодушно и всячески давал понять, что хотел бы поскорее закончить разговор... Даже недавнее создание Республиканской партии, конфликты Северных штатов с Конфедерацией, нерешенные проблемы заселения Западных земель — вопросы, без обсуждения которых не обходился в обществе ни один разговор между представителями сильного пола, — не интересовали Джонатана.

Вместо двух уволенных гувернанток для занятий с Грейс выписали двух преподавателей из Германии и Англии, на них возложили обязанность дать девушке хотя бы минимальные знания из области физиологии и медицины.

— Ты станешь звездой научного мира, — убежденно повторял Уайли своему другу Куперу, — а Грейс станет твоей правой рукой, помощником, ассистентом. Только не вздумай, что я позволю тебе жениться на ней.

При этих словах Роберт заливался краской и отводил глаза. Он был по уши влюблен в юную красавицу, и ни для кого это не было секретом. Грейс тоже поглядывала на него с интересом, и все обитатели дома Уайли были уверены, что брак меж-

ду молодыми людьми — всего лишь вопрос времени. В пятнадцать лет, конечно, рановато еще, а года через два уже можно и свадьбу сыграть. Правда, миллионеры своих дочек отдают обычно в совсем другие руки, и нищий начинающий ученый — это совсем не та партия, на которую могла бы рассчитывать наследница капиталов Уайли, но мистер Джонатан стал таким странным после смерти жены, таким непредсказуемым, что от него вполне можно ожидать и такого...

Однако сам мистер Джонатан придерживался совершенно другого мнения. Его дочь — умница и красавица, она должна быть рядом с Купером и вместе с ним совершить прорыв в неврологии, найти средство, позволяющее полностью вылечивать мигрень. Роберт вообще не должен жениться и заводить семью, он должен полностью посвятить себя науке и отдать все свои силы облегчению страданий больных. Семья будет только помехой, отвлекающей от главного. А для решения всяких интимным проблем существует масса разнообразных возможностей, начиная от хорошеньких вдовушек и заканчивая девицами из дорогих заведений. Этими возможностями и сам Уайли пользуется постоянно.

Что же касается дочери, то здесь все сложнее. Медики говорят, что женщина должна исполнить свое природное предназначение, иначе пострадает здоровье и испортится характер. Ну что ж, значит, Грейс нужно позволить выйти замуж и родить пару-тройку деток. Но при этом соблюсти неременное условие: ее муж должен быть человеком мягкотелым, бесхребетным, тихим, ни во что не вмешивающимся и умеющим быть счастливым от одного только факта, что

20   Никаких амбиций, никаких устремлений, ни-

какой патриархальной властности. Грейс будет заниматься научными исследованиями рука об руку с Купером, детьми займутся няньки и гувернантки, а муж будет сидеть тихо и не возмущаться тем, что жены целыми днями нет дома.

Была у Джонатана еще одна задумка, но он до поры до времени ни с кем ею не делился. Сперва он хотел закончить строительство питомника и увидеть, как Роберт и Грейс начнут вести исследования. Дочь радовала отца своим искренним интересом к наукам и заметными быстрыми успехами, но Уайли при всей своей эксцентричности все-таки допускал, что в значительной части этот интерес продиктован романтическими чувствами. «Это все глупости, — говорил он себе. — Первая юношеская влюбленность. Пройдет. Сейчас главное — дать девочке знания и пустить в научное плавание вместе с Купером, а когда она вкусит первый, пусть даже незрелый и кислый, плод успеха, она уже не сможет отказаться и будет делать так, как я велю. Она на все согласится, лишь бы почувствовать этот вкус еще раз. Успех сильнее любого наркотика. Морфий сломил дух Эмилии. Успех укрепит дух нашей дочери Грейс».

За два месяца до семнадцатого дня рождения Грейс в питомник завезли первую партию животных. К этому времени Грейс знала и умела вполне достаточно, чтобы ассистировать Куперу: она научилась пользоваться микроскопом и разбиралась в строении тканей, могла делать уколы и перевязки, чистить и зашивать раны и не падала в обморок при вскрытии, отлично усвоила систему кровообращения и на зубок выучила строение скелета. Кроме того, девушка изучила историю медицины в той ее части, которая касалась лечения мигреней, и сдела-

ла вполне определенный вывод: никто так и не разобрался, почему возникает эта болезнь и как ее лечить. Зато она прочла множество сделанных врачами и пациентами описаний проявления мигрени и пришла в ужас от того, какие страдания приходится переносить тем, у кого заболевание протекает в тяжелых формах.

— Бедная мама, — сказала она Джонатану, — она мучилась невыносимо. Если то, что ты подозреваешь о ее кончине, правда, то я не удивляюсь. Нужно иметь огромную волю к жизни, чтобы это вытерпеть.

— Теперь ты понимаешь, насколько важно найти способ помочь таким больным? — спросил Уайли.

— Да, папа, понимаю. Я сделаю все, что смогу.

— И не будешь мне перечить?

— Не буду. Я поступлю так, как ты скажешь.

Джонатан остался весьма доволен разговором. Собственно, ничего иного он от своей девочки и не ждал: покорность воле родителя — хорошая традиция, правильная, и гувернантки отлично справились со своей работой, вырастив Грейс послушной, доверяющей мнению отца и одновременно развивая ее ум в самых разных направлениях. Тогда, семь лет назад, он принял правильное решение, хотя все окружение удивлялось и недоумевало, для чего одной девочке целых три гувернантки, если испокон века достаточно было всего одной.

Пришло время заняться поисками подходящего жениха. Джонатан Уайли отправился в адвокатскую контору «Берлингтон и сын», где уже много лет велись дела его семьи.

— Соберите мне сведения обо всех, кто носит фамилию «Уайли», — заявил он.

— Вы ищете родственников? — деловито спросил Берлингтон, дородный плешивый мужчина, годами чуть старше самого Уайли. — Возникли какие-то новые обстоятельства с наследованием? Вы хотите изменить завещание?

— Я ишу жениха для своей дочери. И хочу, чтобы он носил имя Уайли.

— Можно поинтересоваться, для чего это нужно?

— Для того, чтобы моя дочь и в замужестве оставалась Уайли.

— Но зачем?

— Я не обязан это объяснять, — сердито ответил Джонатан. — Считайте это моей прихотью. Моя дочь должна остаться Уайли — и точка! Если она в браке не возьмет фамилию мужа, это вызовет ненужные толки. Кроме того, это смертельно обидит ее мужа и его семью, а этого мне хотелось бы избежать.

— Бог мой, Джонатан, — расхохотался адвокат. — Да ваше поведение в последние два года и без того вызывает массу толков! Все вас обсуждают, и никто не понимает. И на вас обижено все общество. С каких это пор вас стали беспокоить толки, сплетни и обиды?

— Меня это не беспокоит ровно до того момента, пока не касается моей дочери, — сухо произнес Уайли. — Так вы сделаете то, о чем я прошу?

— Разумеется, — вздохнул адвокат. — Ваша семья наш давний клиент, мой отец вел дела вашего отца. И я сделаю все, что в моих силах. Вас интересуют только жители нашего города?

— Мне все равно. Пусть эти Уайли живут где угодно, лишь бы у них оказался подходящий сын.

— А если он не захочет жениться на вашей дочери?

— Захочет. Он в любом случае будет жениться не на Грейс, а на моих деньгах. Я куплю ей мужа, главное — не ошибиться с покупкой и выбрать наименее противного.

Адвокат снял очки и прищурился, разглядывая своего клиента.

— Джонатан, весь город говорит о том, что вы собираетесь выдать свою дочь за Купера, которого вы привезли из Англии специально для этой цели. Разве это не так?

— Это не так и никогда не было так, — отрезал Уайли. — Купер вообще не собирается жениться. Ни на ком. Я этого не допущу. А Грейс нужно выдать замуж за какого-нибудь более или менее приличного Уайли.

— Приличного? — переспросил Берлингтон-младший. — Вы имеете в виду деньги? Состояние?

— Я имею в виду характер. У меня есть определенные требования.

— И все-таки я не понимаю, для чего вам это нужно. Какая разница, какую фамилию будет носить ваша замужняя дочь, если эта фамилия не опозорена преступлениями или грехами?

— Потому что я так хочу, — твердо и невозмутимо ответил мой прапрадед...

* * *

Вы имеете полное право не поверить мне и спросить, откуда мне известны все эти подробности? Ваши сомнения вполне понятны, ведь события, о которых я рассказываю, происходили больше
24 полутора веков тому назад. Дело в том, что

Джонатан Уайли в 1870 году составил свое подробное жизнеописание, запечатлев в нем не только весь жизненный путь, но и отдельные сцены, эпизоды. Вот эти-то эпизоды я вам и пересказываю. Покончив с жизнеописанием, он принялся вести дневник и вносил в него записи каждые два-три дня вплоть до самой кончины в 1877 году.

Я самым внимательным образом изучил обе рукописи, перечитал их неоднократно, что и позволило мне составить определенное мнение о характере Джонатана. Поэтому когда я говорил юристу, что предок мой был весьма эксцентричен, а порой и просто невыносим, эти утверждения не были голословными. Он запретил Куперу вступать в брак, угрожая прекратить финансирование его исследований. Он выдал дочь замуж за человека, носящего фамилию Уайли, бесхарактерного глуповатого мямлю, не способного ни к какой деятельности, кроме чисто биологического функционирования, но не способного в то же время и на подлость, воровство или предательство. Проще говоря, Фрэнк Уайли не был способен вообще ни на что, чем и приглянулся моему прапрадеду. Моя прабабка Грейс его не любила и не уважала, но с благодарностью терпела, ибо Фрэнк давал ей статус замужней дамы, что позволяло иметь детей, и ничем не мешал ее жизни, наполненной любовью к науке, к детям и к Роберту Куперу.

Шла война между Севером и Югом, когда Грейс в 1862 году родила Фрэнку первенца, сына. Второй ребенок, девочка, родился уже после окончания войны, в 1866 году, и отцом его был вовсе не Фрэнк. Джонатан прекрасно знал обо всем, более того, всячески содействовал тому, чтобы его дочь и его друг могли беспрепятственно любить друг

друга. Он, познавший всю силу любви к женщине и всю бездонную горечь утраты, не без оснований считал, что сердечная привязанность способствует совместной работе, а вот общая семья этой самой работе может и помешать... Не берусь судить, прав он был или нет. Чудак, самодур, несносный человек — да, таким был мой прапрадед. Про таких иногда говорят: сумасшедший миллионер. Человек, вбивший себе в голову, что его имя должно остаться в науке на долгие века.

Спустя еще два года Грейс родила третьего ребенка, моего деда Фрэнка-младшего. На этот раз отцом снова был законный супруг. А еще через год, в 1869 году, появился труд Гальтона «Наследственный гений». И вот тут-то Джонатану в голову пришла его «великая идея», последствия которой я и расхлебываю спустя полтора века.

* * *

Юрист по имени Андрей и по фамилии Сорокопят, против всех моих ожиданий, объявился и впрямь через два дня с первым вариантом плана. Насколько мне известно, в России к соблюдению сроков относятся не слишком уважительно, посему я был приятно удивлен. План не вызвал у меня никаких возражений, да и какие могли быть возражения с моей стороны, если я совершенно не представлял, как устроены правовые и управленческие механизмы в России? Я не мог должным образом оценить ни набор включенных в план действий, ни их последовательность, ни сроки. Мне оставалось только полагаться на компетентность и добросовестность

26   Андрея Сорокопята. Однако был пункт в этом

плане, который привлек мое внимание: «Поиск людей, знавших семью Лагутиных».

— Вы полагаете, это возможно? — усомнился я, ткнув концом ручки в строку документа. — Меня интересует период сорокалетней давности. Я, конечно, мало что понимаю в современной российской жизни, но моего личного опыта достаточно, чтобы предположить: все данные о сотрудниках Лагутиных и их соседях по месту жительства находились на бумажных носителях и впоследствии, уже через четверть века, вряд ли переносились на электронные носители. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь, — лукаво усмехнулся юрист. — Но можно потратить время на то, чтобы поискать эти сведения в архивах. А возможно, все окажется еще проще. Я, не согласовав с вами, позволил себе предпринять всего одну небольшую попытку, и она, как ни удивительно, дала результат. Я забил в поисковик фамилии, имена и отчества интересующих вас персонажей и среди кучи всякого мусора выловил упоминание о них в интервью, которое давал ветеран МВД в связи с какой-то юбилейной датой уголовного розыска.

Я ушам своим не поверил.

— Какое отношение Лагутины могли иметь к уголовному розыску?

— Абсолютно никакого. Исключительно личные отношения, но начинались они, конечно, с профессионального. Прочтите сами, я распечатал интервью целиком и выделил маркером то, что может вас заинтересовать.

Я оценил его деликатность: текст был распечатан крупным шрифтом. Что ж, юрист уважает мой преклонный возраст, спасибо ему. 27

Мысль о поисках друзей, коллег и знакомых семьи Лагутиных, конечно же, приходила мне в голову, но по здравом размышлении я ее отбросил как неперспективную. Зинаида Лагутина родилась в 1924 году, ее муж — в 1921-м, их друзья и коллеги никак не могли быть значительно младше, стало быть, сейчас им всем за 90. Ну, в самом крайнем случае за 80. Скорее всего, и в живых-то мало кто остался. На соседей по дому надежды тоже немного: если какие-то дети в те годы знали Лагутиных, то вряд ли понимали происходящее, а со взрослыми расчет у меня получился примерно таким же, как и с друзьями и сотрудниками. В общем-то, за эту ниточку тянуть можно, но результат будет столь мизерным, что не оправдает вложенных усилий.

Я принялся читать.

«Корр. Во времена Брежнева и Щелокова партийно-советская элита вмешивалась в работу по раскрытию и расследованию преступлений? И если вмешивалась, то в чем это проявлялось?»

Н. Б. Вмешательство, разумеется, было, и шло оно на двух уровнях: общем и частном. На общем уровне существовал тезис о том, что по мере продвижения советского общества к коммунизму преступность будет неуклонно сокращаться, а когда коммунизм будет в скором времени построен, в нашем обществе не останется ни одного преступника. Кто первым выдумал такую глупость, сказать не берусь, но данный тезис требовалось постоянно подтверждать. Иными словами, в каждый отчетный период органы МВД должны были рапортовать о снижении уровня преступности и повышении раскрываемости. Не сможет

руководитель конкретного органа подтвердить свой отчет красивыми цифрами — тут

же получает по шапке от партийных и исполкомовских начальников. За неправильные показатели легко снимали с должности и переводили с понижением, объявляли выговоры. Так что всей милиции приходилось выкручиваться и манипулировать статистикой, чтобы в отчетах все выглядело как надо. Старались по возможности не регистрировать заявления граждан о преступлениях, а если уклониться от регистрации не удавалось, то искали варианты с квалификацией, чтобы признать содеянное менее тяжким, а в докладе потом заявить, что уровень тяжких преступлений заметно упал, остается в основном мелочовка. Или другой вариант: поступает сверху команда начать бороться с хищениями или взяточничеством. Понятно, что о таких преступлениях граждане сообщали милиции крайне редко, поскольку в этих случаях осведомлены только сами участники, которые заинтересованы в сокрытии своих деяний. Преступления такого рода нужно было выявлять самим работникам милиции, и уж тут, наоборот, чем шире размах, чем больше сумма, тем лучше. Есть о чем победно рапортовать! Крупного расхитителя поймали! А к концу отчетного периода, чтобы повысить показатели раскрываемости, начинали халтурить, быстро заканчивать предварительное расследование, чтобы выставить карточку на переданное в суд дело. Раз передано в суд, значит, раскрыто. А то, что в этом деле дыра на дыре и вина человека почти не доказана, значения уже не имело. Ведь как рассчитывали? Да, пусть дело сляпано на живую нитку, суд разберется и отправит его на дополнительное расследование, тогда мы все и сделаем как нужно. Но возвращенное дело пойдет уже в отчетность следующего года. Одним словом, ложный тезис очень на нас всех давил, с нас

требовали и за невыполнение строго наказывали. Но это, как я уже сказал, на общем уровне. А на частном все было так же, как сейчас, никакой разницы, только если в те годы звонили из партийных и советских органов, то сегодня звонят или приносят конверты из других офисов. Кого надо — посадят, кого надо — отмажут. В этом смысле ничего не меняется.

Корр. А не было в вашей практике или практике ваших коллег случаев, когда партийные и советские органы, наоборот, помогли в раскрытии преступления и поимке преступника? Или они всегда только мешали?

Н.Б. В партийных и советских органах работали живые люди, и в этом качестве им, конечно же, приходилось сталкиваться с нами, сотрудниками уголовного розыска. Вот вы спросили сейчас — и я вспомнил ситуацию, когда на улице белым днем было совершено разбойное нападение на человека, имевшего при себе большую сумму денег, и нам нужно было проводить поквартирный обход двух домов, из окон которых просматривалось место преступления. Один из домов самый обычный, а второй заселен процентов на семьдесят руководителями разного уровня, в том числе партийными и исполкомовскими. Квартиры в этом доме просторные, с необычной для тех времен планировкой, и обставлены, сами понимаете, не той мебелью, какая у нас всех дома стояла. Мне тогда было лет тридцать или чуть меньше, жена, сынишка маленький, жилищные условия очень стесненные, а тут такие хоромы барские... Я в таких и не бывал никогда. В одну квартиру позвонил, в другую, нигде дальше порога не пускали, сразу заявляли, что ничего не видели, ничего не слышали — и до свидания. Разговаривают

в буквальном смысле через губу. И вдруг в очередной квартире мне открывает дверь очень приятная дама, выслушивает мои вопросы и говорит: «Вы проходите, пожалуйста, раздевайтесь, у нас все дома, вот мы сейчас у всех и спросим. Мы как раз ужинать сели. Будете с нами?» А у меня списочек-то, составленный участковым, в руках, я же видел, к кому иду: в той квартире проживала семья Лагутиных, он — заворотделом Московского горкома партии, она — из аппарата Мосгорисполкома, сын-студент и дочка-старшеклассница. Ну, думаю, напортачил участковый, с номером квартиры ошибся, не те это люди. На всякий случай спросил, оказалось — нет, не напортачил, и в самом деле Лагутины. Помнится, растерялся я в тот момент: с одной стороны, пригласили разделить трапезу, а я голоден ужасно, с самого утра на ногах и без обеда, с другой стороны — и неудобно, и время поджимает, ведь еще столько квартир обойти нужно! А с третьей стороны, если я откажусь от ужина и начну прямо сейчас задавать вопросы, то у людей еда остынет, хозяйка огорчится, а огорчать ее в ответ на проявленную любезность как-то не хотелось. Ну, я и пожелал им приятного аппетита и сказал, что зайду через полчаса. Обошел еще три этажа, вернулся к Лагутиным. Они усадили меня пить чай. Сам-то Лагутин оказался мужиком строгим, хмурым, немногословным, видно было, что все семейство его побаивается, а вот жена легкая такая, веселая, разговорчивая, гостеприимная. Детей тоже позвали, все добросовестно стали вспоминать, что делали около четырех часов дня, день-то был субботний, все дома находились. И представьте — девочка вспомнила, что видела машину, на которой приехали и уехали преступники! И не просто вспомнила маши-

ну вообще, а очень подробно ее описала, и даже дала кое-какие приметы одного из нападавших. Очень наблюдательная была девчонка, все примечала, все запоминала. Бандитов этих мы дня через три отловили, все совпало — и описание машины, и приметы. Мы с ребятами из отдела тогда скинулись, купили торт, меня отправили делегатом к Лагутиным, чтобы поблагодарить. Вообще-то такого мы никогда не делали, но тут как-то нас всех, что называется, проняло: и семья на своих соседей не похожая, и девочка существенную помощь оказала... Вот с той поры и сложились у меня с семьей Лагутиных приятельские отношения, не очень близкие, но добрые и теплые. Так что партийные и советские работники бывали разными, не нужно всех одной краской мазать».

Орготдел горкома партии, аппарат Мосгорисполкома... Да, никаких сомнений, это те самые Лагутины, родственнички мои дальние. Надо же, нашелся человек, которому Зинаида Лагутина показалась приятной дамой, любезной, легкой и веселой. А вот мне она совсем не понравилась. Не было в ней ничего приятного, легкого и веселого. Любезность была, этого не отнять, но любезность какая-то вымученная, наигранная. Хмурого и строгого мужа ее мне увидеть не довелось, он умер задолго до того, как его семья уехала из России. А та женщина лет тридцати пяти с сыном-подростком, стало быть, как раз и была в прошлом наблюдательной и приметливой девчонкой-старшеклассницей.

— Кто такой этот ветеран Эн Бэ? — спросил я.

Андрей вытащил еще один листочек с распечаткой.

— Назар Захарович Бычков, полковник полиции в отставке, тридцать пять лет прослужил в уголовном розыске, после чего перешел на пре-

подавательскую работу. Теперь уже на пенсии. Есть адрес и телефон, если нужно.

— Думаете, он готов со мной встретиться? — без всякой надежды произнес я.

Если бы мне позвонили и попросили уделить время какому-то неизвестному иностранцу, интересующемуся людьми, которых я знал в незапамятные времена, я бы совершенно точно отказался. Не так много дней и лет осталось мне провести на этой земле, чтобы бездумно растрачивать отпущенное время на то, что мне неинтересно.

— А почему нет? Вы ничем не рискуете. Если хотите, я сам позвоню ему и попробую договориться о вашей встрече.

— Попробуйте, — согласился я, ни на что, впрочем, особо не рассчитывая.

Андрей тут же взялся за телефон, и уже минут через десять место и время встречи с полковником в отставке Бычковым было определено: сегодня вечером, в 19 часов, здесь же, в холле отеля в центре Москвы.

— Я вам буду нужен? — спросил Сорокопят.

— Спасибо, не имеет смысла тратить ваше время на выслушивание того, что вам и без того известно. Мне ведь придется излагать господину Бычкову все с самого начала, иначе он меня не поймет. Так что мы уж с ним вдвоем побеседуем, по-стариковски. Кстати, сколько ему лет?

— Назар Захарович примерно ваш ровесник, за семьдесят. Но судя по манере речи, он весьма и весьма бодр и находится в прекрасной форме.

Мы еще какое-то время поработали над планом, после чего отправились вместе обедать в ресторан, расположенный через дорогу от отеля. 33

Очередь к кассе перестала двигаться: у расплачивающейся покупательницы возникли какие-то проблемы с банковской картой. Касс в супермаркете было всего три, и две из них закрыты. Дуня не злилась, она понимала: каждую осень, ближе к зиме, в городе начинается эпидемия очередного вида вирусной инфекции, все поголовно болеют, и всюду возникают проблемы с нехваткой персонала — и в банках, и в магазинах, и в поликлиниках. Да и время сейчас не горячее, первая половина дня, покупателей мало, очередей обычно не бывает. Вот только сегодня что-то застопорилось... Она присмотрелась к сидящей на кассе молоденькой девушке и сразу поняла: новенькая, совсем неопытная, потому и работает медленно, очередь собрала. Постоянных кассиров в этом магазине Дуня давно запомнила в лицо, она часто покупала здесь продукты: и от дома совсем близко, и выбор неплохой. Девушка вздохнула и принялась терпеливо ждать, рассеянно разглядывая выставленные на стойке яркие пачки жевательных резинок и разных фруктовых драже.

В кармане куртки запереливался простенькой мелодией телефон, и в эту же секунду какая-то женщина с маленьким, громко плачущим ребенком стала пробираться сквозь очередь. Ребенок размахивал руками, задевая пластиковые корзинки, женщина сердито одергивала малыша. Дуня сделала шаг в сторону и вытащила телефон, забыв посмотреть, кто звонит.

— Привет, — послышался такой знакомый, бархатный уверенный голос с неизменными снисходительными нотками. — Что подделываешь?

— Стою в очереди в магазине, — автоматически ответила она.

— Что покупаешь?

— Продукты. — Дуня зло усмехнулась. — Что еще я могу купить? Не шубу же.

И тут же раскаялась в своих словах. Ну зачем, зачем она вступает в какие-то обсуждения? Ведь собиралась же... Давала себе слово... Пыталась взять себя в руки... И ничего не получается.

— Продукты? — чуть удивленно протянул бархатный голос. — Ты хочешь сказать, что учишься готовить? Или уже научилась?

Она промолчала. Готовила Дуня хорошо, ее еще бабушка учила, та самая, которая в молодости любила фильм «Евдокия» и настояла, чтобы внучке дали такое старомодное имя, из-за которого Дуне все школьные годы приходилось отвечать на дурацкие насмешливые вопросы. Родители хвалили ее стряпню, и Ромке тоже всегда нравилось то, что она готовила. И Ромкиным друзьям тоже нравилось.

— Ладно, — все так же снисходительно продолжал голос, доносящийся из мобильного, — уговорила, я готов попробовать, чему ты там научилась. Давай-ка купи хорошей рыбки благородных сортов, красной и белой, морепродукты какие-нибудь и сделай мне буйабес. Проверю, насколько ты продвинулась. Раньше, помнится, я твои произведения есть не мог.

— И ты хочешь дать мне еще один шанс, как говорят в американских фильмах?

Это прозвучало одновременно язвительно и устало, и девушка расстроилась еще больше. Ведь обещала же себе разговаривать с ним спокойно, равнодушно и по возможности кратко. Обещала-обещала — и вот результат...

— О! — обрадовался собеседник. — Ты стала разбираться в американском кино? Ты прогрессируешь, Евдокия! Наша временная разлука пошла тебе явно на пользу. У тебя появился шанс стать для меня интересным собеседником. Ты теперь сможешь без раздумий ответить на вопрос, сколько фильмов снял Вуди Аллен. Так сколько же?

Дуня молчала. Дама с проблемной картой наконец расплатилась, очередь сдвинулась. Она не знала, сколько фильмов снял Аллен, и вообще этот режиссер ей не нравился.

— Молчишь? Не знаешь? Ну хорошо, задам вопрос попроще: почему «Китайский квартал» считается вехой в американском кинематографе? Что такого нового и необычного в этом фильме? Тоже не знаешь? Ты его хотя бы смотрела?

Очередь сдвинулась еще на шаг, теперь перед Дуней оставалось только три покупателя. «Молчи, — твердила себе девушка, — молчи, не отвечай, не ввязывайся в разговор. А еще лучше — не слушай». Это было трудно. Она терпела из последних сил.

— Так вот, моя дорогая, — голос в телефоне стал твердым и строгим, — заруби себе на носу: никогда не пытайся делать вид, что разбираешься в чем-то, о чем не имеешь ни малейшего представления. Ты выглядишь глупо. Иди покупай рыбу, я вечером приеду и посмотрю, на что ты вообще способна...

Она не выдержала. Терпение закончилось, Дуня нажала красную кнопку «отбой», сунула телефон в карман и застегнула молнию. Спустя несколько секунд звонок раздался снова. Она терпела.

— Девушка, у вас телефон надрывается, — заметил стоящий за ней паренек азиатской внешности в грязноватой рабочей одежде.

— Спасибо, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

Снова достала телефон, сбросила вызов и выключила звук. Еще шаг к кассе. Скорей бы все это закончилось! Она придет домой и займется обычными хозяйственными делами. Выключить телефон нельзя — родители испугаются, если абонент окажется недоступен, они видят, какая Дуня мрачная и расстроенная в последнее время, переживают за нее и боятся, как бы она глупостей не наделала. И с работы тоже могут позвонить, нужно быть на связи. На сегодня ей дали отгул, чтобы мальчик-практикант попробовал поработать самостоятельно, но предупредили, что, если возникнут трудности и что-то срочное и ответственное, ее вызовут. Раньше Дуня работала в ломбарде, и ничего особо ответственного там не было, главное — отличить натуральные камни от искусственных, а теперь ее, специалиста-геммолога, взяли в солидную фирму, торгующую ювелирными изделиями, и здесь ответственность уже совсем другая, да и объем работы намного больше. Но дома есть возможность отвлечься на привычные бытовые заботы: приготовить еду, сделать уборку, белья неглаженного целая стопка накопилась. В конце концов, можно кино какое-нибудь посмотреть, книгу почитать.

Лежащий в кармане телефон вздрогнул: звук выключен, а вибрация осталась. Пришло какое-то сообщение. «Не смотри, — Дуня на мгновение крепко зажмурилась. — Не читай. Нет, ну как не читать? А вдруг это с работы? Или от мамы? Или еще что-то важное? Не обманывай себя, это не с работы и не от мамы, и ничего важного. Не смотри. Ну хорошо, посмотришь потом, когда выйдешь из магазина. Не читать ты не можешь, но хотя бы по-

дождать три минуты ты в состоянии? Даже если тебя разыскивают с работы — три минуты ничего не решают».

Наконец она расплатилась и вышла на улицу. Телефон в кармане все жужжал и подергивался: настоячивые звонки чередовались с сообщениями. «Еще немножко, — уговаривала себя Дуня, направляясь к перекрестку, — вот перейду через дорогу — тогда и посмотрю». На светофоре сменялись красные цифры: 86... 85... 84... Как долго еще ждать зеленого сигнала... Вон там, на полпути к ее дому, есть скамейка, можно поставить на нее пакеты, вынуть телефон и посмотреть... Ну почему, почему она такая слабая! Почему она так нервничает, почему не может не отвечать на звонки! Что с ней не так?

Зеленый светофор на этом перекрестке был совсем коротким, всего 12 секунд, нужно идти быстро. Времени смотреть под ноги и тщательно выбирать, куда ступить, не было. Зато лужи, огромные и глубокие, были. Ноги ушли в воду по щиколотку, но Дуня этого даже не заметила, стараясь побыстрее добежать до скамейки, освободить руки от магазинных пакетов, достать телефон и... И — что? Получить очередную оплеуху? Она сошла с ума? Что с ней не так?

Дисплей на телефоне показывал 8 неприятых вызовов от абонента «Денис» и несколько сообщений от него же. «Не читай», — приказала себе Дуня и тут же открыла их.

«Не смей отключаться посреди разговора».

«Не смей сбрасывать мои звонки!»

«Немедленно ответь!»

«Ты меня слышишь? Ответь на звонок!!!»

Она заплакала. И вдруг увидела себя со стороны: серый дождливый грязный день, серая

грязная улица, мокрая грязная скамейка, девушка в серо-черной куртке, с заплаканным мокрым лицом и грязной душой... Неужели так теперь будет всегда? Она, Дуня, теперь всегда будет чувствовать себя грязной и виноватой. Как она могла такое сотворить? Что с ней случилось? Морок какой-то... Ведь все было ярко, светло и радостно, было же, было! Зачем она полезла в этот беспросветный мрак? Ну да, она не знала, не предполагала, что отношения с Денисом окажутся мраком, они казались сперва блеском, вихрем, праздником. Денис так много знал, был таким умным, таким сильным, таким сложным, загадочным, непредсказуемым, и рядом с ним искренний и открытый Ромка почему-то померк и стал выглядеть каким-то... пресным, что ли. Она не обманывала Ромку ни одного дня, сразу обо всем ему сказала, собрала вещи и ушла из той квартиры, которую он снимал и в которой они почти полтора года прожили вместе. Ромку она не обманула, а вот себя... Безумная, всепоглощающая любовь, в которую Дуня погрузилась, как в омут, через несколько месяцев оказалась даже не влюбленностью и не увлечением, а невесть чем. Чем дальше — тем больше девушка ощущала, что ею манипулируют, ее унижают, изо дня в день углубляя в ней чувство собственной неполноценности, глупости, немелости. Она — никчемная и бездарная, и ей страшно повезло, что такой замечательный, умный и талантливый Денис хорошо относится к ней, терпит ее рядом с собой и, так уж и быть, даже любит. Иногда.

В какой-то момент Дуня смогла найти в себе силы посмотреть на ситуацию трезво и вернуться в родительский дом. С Денисом она простилась, а вот он с ней — нет. Он не отпускал. Звонил постоянно. Ежедневно ловил ее в соцсетях и писал

сообщения. Иногда приходил к ней на работу, приносил цветы. Он не извинялся и не просил вернуться, общий тезис его посланий, как письменных, так и устных, всегда был одинаков: Евдокия просто валяет дурака, она совершила глупый поступок, уйдя от него, но он снисходительно относится к этой глупости и уверен, что она одумается, а он, мудрый философ, готов ее простить, если она покается и признает, что была неправа, и милостиво позволит ей вернуться. Дуня не понимала, что происходит и почему это происходит, она знала только одно: возвращаться к Денису она не хочет и не будет, но почему-то у нее не хватает внутренних сил на то, чтобы не читать его сообщения и не отвечать на его звонки. Разумеется, она сначала делала все, что обычно делают в таких случаях: заблокировала номер телефона Дениса, чтобы он не мог ей дозвониться, «забанила» его в соцсетях, исключив из числа «френдов», и тут же закрыла свои страницы, сделав их доступными только для тех, кто остался «в друзьях». Сделала — и уже через пять минут вернула все в прежнее состояние. Ей стало стыдно. Выходило, что она прячется от человека, который не сделал ей ничего плохого, не бил, не предавал. Уйти было ее решением, и с какой стати она собралась вести себя так, словно за что-то наказывает Дениса? Разве он виноват в том, что она больше не хочет быть с ним? Или все-таки хочет и теперь ждет, что он осознает свои ошибки и изменится?

Дуня не могла разобраться в себе, не могла понять, что с ней происходит. Она ничего не понимала. И вот теперь стояла посреди улицы возле скамейки с телефоном в руках и тихо плакала под холодным ноябрьским дождем. Аппарат в ее руке

снова завибрировал: звонок от Дениса. Она всхлипнула, сбросила вызов и привычно полезла в список «недавних соединений», пролистала до конца, ища номер, и с болью осознала, что этого абонента там нет. Она так давно не звонила Ромке... И он ей тоже не звонил. Даже притом, что она регулярно чистила список, удаляя из него ненужные, случайные или повторяющиеся номера, и самый давний из звонков был датирован сентябрем прошлого года, Ромкиного телефона там не было, последний их разговор состоялся еще раньше, и количество сохраненных «недавних» вытеснило Дзюбу. Теперь его номер переместился в общий список контактов.

Руки дрожали, капли дождя падали на дисплей, от слез буквы расплывались. Что она делает? Зачем звонит Роману? Что собирается ему сказать? Наверняка он уже давно с другой девушкой, может, даже женился. Да какая разница, женился он или нет! Она должна только попросить прощения. Больше ничего. Она должна сказать ему, что ей стыдно. Потому что сказать очень хочется, просто нестерпимо, стыд жжет ее изнутри и отравляет, и получается, что никому она в своем стыде признаться не может. Никому. Кроме Ромки.

Номер не отвечал. Дуня позвонила еще раз, но результат оказался тем же. Внезапно ее парализовала страшная мысль: а вдруг с ним что-то случилось? Ранен? Погиб? Он же оперативник, случиться может все что угодно. Третья попытка. Длинные гудки и никакого ответа.

Слезы мгновенно высохли. Дуня нашла номер Антона, Ромкиного друга и коллеги, и позвонила ему.

— Дуняша? — удивленно проговорил Антон. — Что-то случилось?

Дуня понимала, что звонит сотруднику уголовного розыска в рабочее время, и это означало, что разговаривать нужно коротко, быстро и только по делу.

— Не могу до Ромки дозвониться. С ним все в порядке?

— А... ты...

Паузы выдавали одновременно удивление и неуверенность Антона. Ну, понятно, он же в курсе, что Роман и Дуня давно расстались и не общаются.

— Так с ним все в порядке? — настойчиво повторила девушка. — Он здоров? Работает?

— Да все с ним нормально, — рассмеялся Антон с облегчением. — Спит он. Ночью прилетел из командировки, утром отчитался перед руководством и был отпущен на двое суток отсыпаться. Отгулы за длительную работу без выходных. Так что не беспокойся.

Дуня с облегчением перевела дыхание и почувствовала, что ноги у нее ослабели. Пришлось сесть прямо на мокрую скамейку. Куртка на ней не длинная, ткань джинсов сразу начала промокать, но Дуня не обращала на это никакого внимания. Ромка спит. Наверное, выключил звук или вообще оставил телефон где-нибудь в прихожей или на кухне. Интересно, он живет все в той же квартире, которую снимал? Или тоже вернулся к родителям? Или переехал в другое место? К другой женщине?

Ромка... Ромчик... Добрый и умный, сильный и честный... Отдыхай, мой хороший.

Она быстро набрала текст сообщения: «Прости меня, мне очень стыдно за то, что я сделала. Я скажу по тебе. Если не хочешь — не отвечай.

42 Мне очень важно было сказать тебе это». Пе-

речитала несколько раз. Исправила две опечатки, заметив, что поставила точки вместо запятых. Перечитала еще раз.

И отправила.

* * *

В оговоренное время я снова сидел в баре отеля, поджидая ветерана МВД и полковника в отставке Бычкова. Пришел я чуть раньше, чтобы, сидя у большого прямоугольного окна, понаблюдать за улицей и за людьми: это всегда успокаивало меня и позволяло привести мысли в порядок. Образ жизни, который я веду с молодости, приучил меня не радоваться новым знакомствам и не искать их. Как правило, ничего хорошего я от людей не ждал, ни на какие позитивные эмоции не надеялся и относился к общению с теми, кто выходил за пределы моего ближнего круга, как к неприятной, но неизбежной необходимости. Уж не знаю, то ли в этом повинна моя чудаковатость, доставшаяся в наследство, то ли особенности моего здоровья, которые, впрочем, тоже в изрядной своей части обусловлены законами наследственности...

Мне не повезло. Мало того что я получил тот ген, который несет ответственность за приступы мигрени, так еще и сами приступы протекали так тяжело, что я постоянно вспоминал свою прапрабабку Эмилию: если она страдала хотя бы даже вполовину меньше, чем я, то можно простить ее увлечение опиатами. А уж если ее приступы были такими же, как мои... В рукописях Джонатана Уайли внешние проявления приступов мигрени у Эмилии описывались довольно подробно, и на бумаге выглядело это поистине устрашающе. Сначала у Эмилии начина-

лись проблемы со зрением, потом она становилась какой-то растерянной, забывала слова и не могла вспомнить, как зовут горничную или как называется то горячее, что наливают в чашки и пьют. Быстро нарастала нестерпимая головная боль, любые запахи и звуки становились непереносимыми, возникала рвота, к рвоте присоединялся понос. Эмилия уходила в свою комнату и ложилась в постель. Появлялась она обычно на третий день, бледная, осунувшаяся, покачивающаяся от слабости и головокружения. Сама Эмилия говорила своему мужу, что в эти периоды ей «невыносимо плохо и жить не хочется», но Джонатан мог лишь наблюдать картину извне, не понимая, что и как на самом деле чувствует его любимая супруга.

Зато я понимал очень хорошо. И прочувствовал всю прелесть тяжелой мигрени на собственной шкуре. Первый приступ случился, когда мне было 8 лет. Я был на детском празднике, откуда меня привезли домой с сильной головной болью. Рвота и понос заставили моих родителей подумать, что я банально отравился, а головную боль списали на интоксикацию. В следующий раз все повторилось через полгода, но и тогда ни моим родителям, ни мне самому не пришло в голову, что вся эта ерунда может превратиться в огромную проблему. Я учился в школе, и по мере усложнения предметов и заданий уроки требовали все большего умственного напряжения. Приступы сделались чаще, примерно каждые два-три месяца, и тут уж пришлось обратиться в клинику, где нам объяснили, что мы имеем дело, вероятнее всего, с мигренью. Но и утешили: как правило, с окончанием пубертатного периода, когда гормональный статус становится устойчивым, приступы делаются реже, протекают легче,

а зачастую и вовсе прекращаются навсегда. Мы поверили и обрели надежду: всего несколько лет нужно потерпеть, зато потом этих мучений больше не будет. Ведь доктор сказал: как правило. То есть в среднем. То есть чаще всего.

И снова мне не повезло: я не вписался в правило. Годы шли, мне уже исполнилось 16, потом 17, 18, а приступы, настигавшие меня с регулярностью раз в четыре-пять недель, становились только тяжелее. Первым предвестником было посверкивание на периферии зрения, приступ развивался быстро, и до первого позыва к рвоте у меня было минут 20–30, за которые мне следовало убраться как можно дальше из публичного места, с глаз одноклассников или приятелей. Однажды случилось так, что вовремя скрыться мне не удалось: предвестник настиг меня в разгар вечеринки, во время танца с девчонкой, которая мне ужасно нравилась и которая уже дала мне понять, что в моей машине после вечеринки нам будет чем заняться. В глазах сверкало, я понимал, к чему дело идет, но уйти просто так, без всяких объяснений, не мог. Ни хозяин вечеринки, ни моя пассия меня не поняли бы и не простили. Я попытался проблеять хоть что-нибудь в собственное оправдание, но с ужасом понял, что несу какую-то ахинею и путаю слова... Удрать красиво мне не удалось, меня рвало прямо посреди комнаты, заполненной нарядно одетыми девчонками и изрядно подвыпившими парнями. Не буду живописать всю картину насмешек и издевательств, которым я подвергся, пусть ваше воображение само дополнит недостающие детали. Могу только сказать, что главной темой сказанного были утверждения, что я обос...лся от страха перед первым сексом с девчонкой и что я слабак и меня рвет от од-

ного бокала пива. Это было самое приличное из услышанного, все прочее оказалось намного хуже.

Я вырос таким же, как все. Среднестатистическим во всем, кроме мигрени. Это означало, что никаких выводов я в тот момент для себя не сделал, продолжая жить так же, как прежде, и полагая единственной своей заботой умение вовремя заметить ауру и спрятаться дома. Как и большинство тинейджеров, я стеснялся своей болезни и не хотел ее афишировать, поэтому наготове у меня всегда были приличествующие случаю отговорки, объясняющие внезапно возникшую необходимость уйти домой. Собственно, я и болезнью-то свою мигрень не считал: в перерывах между приступами я был абсолютно здоров, занимался спортом, хорошо учился, а врачи с самого начала объяснили нам, что мигрень не опасна для жизни, от нее не умирают. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем в мою легкомысленную голову впервые закралось опасение, что приступ может настичь меня в самый неподходящий момент. Например, на вечеринке. Или когда я буду с девушкой. И не лучше ли заранее отказаться от участия в мероприятии и ничего не планировать?

Поразмыслив, я пришел к выводу, что на вечеринку или еще куда-то можно спокойно идти, если приступ был недавно. «Отмучился — и две недели гарантированно свободен», — сказал я себе. С девушками все оказалось сложнее, ведь невозможно учить мигрень, назначая свидание... И отказаться от свидания так же невозможно, как заявить: «Конечно, ты мне очень нравишься и я с удовольствием проведу с тобой время, только нужно недельку подождать, у меня скоро должен случиться приступ мигрени,

я его переживу, а потом мы сможем встретиться беспрепятственно целых две недели,

а то и две с половиной...» Ну можно ли представить подобное, когда тебе 17 лет?

Я сильно рисковал. Какое-то время судьба и болезнь берегли и щадили меня, и хотя интервалы между приступами перестали быть предсказуемыми, то увеличиваясь до двух-трех месяцев, то сокращаясь до недели и полностью лишая меня возможности планировать что бы то ни было, я ни разу не «попался» и не осрамился ни перед своей очередной дамой сердца, ни перед преподавателями колледжа, а затем и университета. Да и приступы стали сами по себе не такими мучительными и долгими с того момента, как я принялся интенсивно заниматься собственной личной жизнью. Все чаще обходилось без «позорных» явлений в виде рвоты и поноса, а головную боль, даже и очень сильную, я научился терпеть и скрывать, потихоньку принимая обезболивающие таблетки. Таблетки, правда, почти не помогали, ну, если только совсем чуть-чуть. И еще я заметил, что приступы случались после каждого посещения кинотеатра: яркие краски, громкие звуки и большое скопление людей оказывались для меня провоцирующими факторами. Так что большой кинематограф пришлось для себя закрыть и довольствоваться подробными пересказами фильмов из уст тех, кто их посмотрел.

Одним словом, когда мне исполнилось 24 года и я, недавний выпускник университета, нашел после долгих поисков свою первую работу — перевод с французского таможенной декларации на декорации и оборудование, которые вез через океан приглашенный на гастроли по США парижский театр, я несколько расслабился и начал подумывать о серьезных отношениях с перспективой создания семьи.

Надо сказать, родители мои устремления под-

держивали лишь частично. Намерение жениться их вполне устраивало, хотя они и полагали, что мне об этом думать еще рановато. Намерение же посвятить всю жизнь работе с иностранными языками им не нравилось: семья наша была более чем состоятельной, и отец полагал, что я непременно войду в его бизнес, а изучение языков — это так, баловство, которое, конечно же, окажется весьма полезным при переговорах с иностранными партнерами. Я хитрил и выкручивался, уверяя отца, что он сам еще достаточно молод и будет прекрасно руководить своим бизнесом как минимум лет пятнадцать-двадцать, а то и дольше, я же за это время поднаорею в языках, в деловой лексике и переписке и потихоньку освою основы экономики, а когда придет время — займу его кресло. На самом деле я не испытывал ни малейшего интереса к «делу» и не чувствовал у себя никаких способностей к занятию бизнесом, более того, был уверен, что под моим руководством все развалится в мгновение ока, бизнес отца, принятый им от деда, прогорит, и я стану банкротом. Я пытался переключить внимание родителей на мою младшую сестренку и вселить в них надежду на то, что уж она-то наверняка выйдет замуж за парня с крепкой деловой хваткой, которому можно будет со спокойной душой передать дело...

Всё случилось неожиданно. Пожар в кинотеатре во время премьеры нового фильма, на которую собралась вся городская элита, унес жизни 38 человек, среди которых оказались и мои родители, и сестра. Меня по понятным причинам с ними не было, я оставался дома.

Спустя год мы закончили решать все юридические вопросы. Из наследника хорошо поставленного бизнеса я превратился в воль-

ного переводчика с весьма солидным банковским счетом. Шок от одновременной потери близких был настолько сильным, что я не сразу сообразил: приступы мигрени снова стали тяжелыми, даже более тяжелыми, чем прежде. На душе было так темно, что на физические страдания я в тот период внимания не обратил. Опомнился только спустя какое-то время, когда собрался сделать предложение прелестной молодой женщине, с которой встречался уже несколько месяцев. В течение этих месяцев мигрень отчего-то не настигла меня ни разу, я был влюблен, окрылен и совсем забыл об опасности. Предложение-то я сделал, и оно было принято с благосклонной и ласковой улыбкой. Мы решили устроить вечеринку и объявить о помолвке. Избранница моя жила с очень строгими родителями, посему наша близость хоть и имела место, но была лишь эпизодической и весьма краткой и неполной: секс в машине казался ей грязным и унижительным, а оставаться на ночь у меня дома она посчитала неприличным. Родители ее смягчились, узнав, что готовится помолвка, и разрешили любимой единственной дочери провести в моем (и нашем будущем) доме два дня: нужно было позаботиться об угощении для компании человек на тридцать, да и дом с лужайкой хотелось украсить и принарядить. Так и получилось, что первая полноценная наша ночь должна была состояться накануне торжественного мероприятия, такого важного для любой девушки из традиционной американской семьи.

Должна была.

Но не состоялась. Вернее, она началась как положено, но, когда наступил ответственный момент, я уловил предательское сверкание сначала слева, потом справа. Поле зрения сузилось, 49

перед глазами замелькало нечто похожее на серую тряпку. «Ничего, — малодушно утешал я себя, — может быть, все обойдется только головной болью и мне удастся ее скрыть и не опозориться перед невестой».

Надеялся я напрасно. Все обернулось просто ужасно и закончилось скандалом. Мало того что я не смог выполнить супружеский, вернее, в данном случае — жениховский долг, мало того что я вынужден был оставить свою невесту одну в спальне и провести остаток ночи в бывшей комнате сестры, мало того что я, скрывая мучительную боль и слабость, попытался с утра выйти и помочь на кухне, но через минуту, оглушенный видом и запахами продуктов, помчался в туалет и после этого снова закрылся в комнате с задернутыми шторами и затворенными ставнями... Мало всего этого. Самое страшное в данной ситуации оказалось в том, что я не смог принять участия в вечеринке. Не вышел к гостям. Не улыбался, обнимая свою суженую за талию и принимая поздравления, не пил шампанское, не надевал на девичий палец кольцо и никак и ничем не подтвердил своего наличия в жизни вообще и в жизни девушки в частности. А ведь это был ее праздник! Потому что почти все, за небольшими исключениями, приглашенные были ее друзьями, а не моими. Моих друзей было только двое, и оба знали и об особенностях моей мигрени, и о моем категорическом нежелании ее афишировать. Но я не смог выйти к гостям: даже доносившихся с первого этажа и с лужайки приглушенных звуков музыки и голосов было достаточно, чтобы наряду с пульсирующей болью, наполнившей половину черепа раскаленным чугуном, в висках ломило и стучало так, словно мозг свер-

лили дрелью. Я лежал, накрыв голову подушкой, и тихо стонал, пытаюсь справиться с тошнотой.

Праздник был испорчен, помолвка не состоялась, гости в недоумении разошлись, предприняв довольно вялую попытку сделать вид, что ничего особенного не произошло, и повеселиться. Резкий, неприятный (впрочем, в подобные моменты никакие звуки не казались мне приятными) женский голос визгливо хохотал на крыльце, и я улавливал отдельные фразы, дескать, даже смешно обсуждать... какая уж такая головная боль может помешать помолвке... у всех людей голова болит, но никто не заморачивается... наверняка жених в последний момент испугался и решил таким вот примитивным способом увильнуть от выполнения обещания... а может быть, и жениха-то никакого не было вовсе...

Проводив последнего гостя, моя невеста поднялась ко мне в комнату, зажгла свет, вырвала из моих рук подушку и, сверкая глазами, высказала все, что думала. О том, что я ее опозорил и выставил на посмешище. О том, какой я негодяй. О том, что ни видеть меня, ни слышать она более не желает. Коробочка с кольцом, которое я, по первоначальному замыслу, должен был надеть ей на палец у всех на глазах, была в ярости брошена на пол. Хлопнула дверь. Послышался звук двигателя: подъехало такси. Уехало.

Таким образом, моя первая попытка завести семью бесславно провалилась.

Следующий этап своей личной жизни я начал уже более осознанно, встретив умную серьезную девушку, скрипачку из симфонического оркестра. Первого свидания, во время которого мы ходили в театр, потом ужинали в ресторане, оказалось для

меня достаточно, чтобы понять, что мне будет с ней хорошо. Времена были уже далеко не пуританскими, и девушка явно готова была в тот же вечер принять приглашение на чашку кофе у меня дома, но я решил сперва поговорить. Стараясь быть максимально честным и объективным, я поведал ей о своей мигрени и предупредил о возможных неприятных моментах, связанных с отменой назначенных встреч и невыполненными обещаниями.

— Давай попробуем, — предложила она. — Ты славный, и ты мне нравишься. Не могу пока представить, как буду реагировать, если случится то, о чем ты предупреждаешь, но уверена, что мы справимся.

Эти слова меня воодушевили. И как оказалось — напрасно. К отмененным свиданиям моя музыкальная девушка относилась без раздражения: у нее была масса увлечений и много друзей, и невозможность провести время в моем обществе отнюдь не делала ее жизнь неполноценной. В такой благости прошло года полтора, и я уже совсем было решил, что пришла пора делать предложение...

Оркестр возвращался из гастрольного турне, моя скрипачка позвонила из Филадельфии, сказала, что заболела, у нее высокая температура и ей очень плохо, и попросила непременно встретиться ее в аэропорту, чтобы отвезти домой, потом купить все лекарства и побыть с ней несколько дней, пока она придет в себя. Разумеется, я пообещал. И — как назло...

Нет, на этот раз никакого скандала не было. Когда я приехал к девушке через три дня, бледный и осунувшийся, на дрожащих от слабости ногах, она, тоже

слабая и тоже бледная и осунувшаяся, попросила подругу, ухаживавшую за ней, сделать

нам чай. Деликатная подруга минут через десять ретировалась, якобы за покупками.

— Нам было хорошо вместе, — сказала скрипачка грустно. — Но ты должен учитывать одно обстоятельство.

— Какое? — обреченно спросил я, не упустив прозвучавшего в ее словах прошедшего времени. «Было хорошо». Значит, больше не будет.

Так и оказалось.

— Все девушки хотят выйти замуж.

— Я в курсе. И я готов... — начал было я, но она меня перебила:

— Ты-то готов, но они не готовы. Они.

Я растерялся. Я ничего не понимал.

— Но ты же сама сказала, что все девушки хотят замуж.

— Не за первого встречного. Нормальная девушка хочет выйти за надежного человека. За человека, который не подведет. На которого можно положиться. Который пообещает и сделает.

— Но я же...

— Знаю, — мягко сказала она. — Ты не виноват. Это болезнь. Ты честный и ответственный. Но в семейной жизни этого недостаточно. Семья состоит не из одного тебя. И те, кто входит в твою семью, хотят строить планы и хотят, чтобы эти планы выполнялись. Планы могут быть большими, например, карьерными или касающимися развития бизнеса, а могут быть маленькими: как провести выходные, куда поехать в отпуск, кто будет покупать для бабушки подарок ко дню рождения, кто сегодня заберет ребенка из школы. И если невозможно построить даже самый маленький план и быть уверенным, что сможешь его выполнить, совместная жизнь ста-